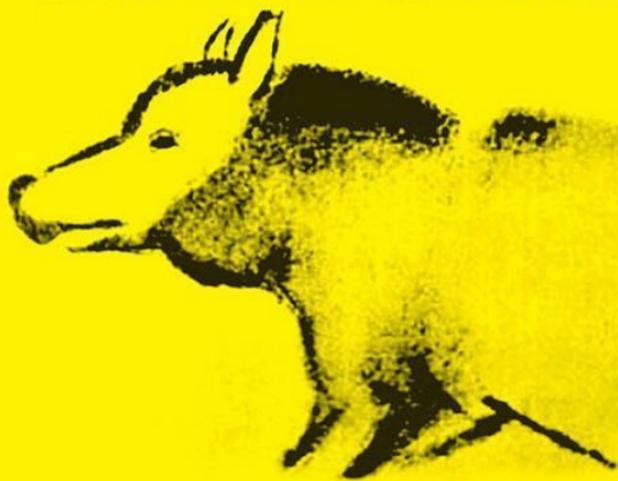

ЕЛЕНА ЛАРИНА
ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

ЧАС ВОЛКА

ВВЕДЕНИЕ

В ХРОНОПОЛИТИКУ

Владимир Семенович Овчинский
Елена Сергеевна Ларина
Час волка. Введение
в хронополитику
Серия «Коллекция Изборского клуба»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50184662

Час волка. Введение в хронополитику. / Ларина Е. С., Овчинский В. С.:

Книжный мир; Москва; 2019

ISBN 978-5-6042990-3-6

Аннотация

История уже никогда не будет прежней. Забудьте мир, в котором вы родились, в котором жили ваши родители и предки. Мир стремительно катится к катастрофе, которой не избежать. Но к ней можно подготовиться.

Что ждет человечество и каждого из нас (если нам не повезет покинуть сей мир до наступления часа X) в ближайшем будущем? Ведь, по вполне аргументированному мнению авторов этой книги, шок будущего настигнет нас уже в ближайшее десятилетие. Как подготовиться к неизбежному, чтобы минимизировать потери?

Ответ на это дают науки с непривычными для обычного человека названиями: хронополитика и психоистория. Именно эти науки открывают такую панораму будущего и раскрывают такие угрозы нашему настоящему, что становится понятно: мы не знаем и десятой доли того, что в реальности происходит на нашей планете.

Читайте, и не говорите потом, что вас не предупреждали.

Содержание

Введение	6
Часть I	18
Глава 1. Психоистория для начинающих	18
Глава 2. Айзек Азимов и все-все-все	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

**Е. С. Ларина, В.
С. Овчинский**
Час волка. Введение
в хронополитику

© Е. С. Ларина, 2019

© В. С. Овчинский, 2019

© Книжный мир, 2019

Введение

О парадоксе Ферми в час волка

В 2018 году Amazon опубликовал результаты продаж в разделе «Прогностика нон-фикшн». С большим отрывом первые пять мест занимают книги Э. Шмидта и Д. Коэна «Новый цифровой мир», Дж. Рифкина «Третья производственная революция», К. Шваба «Четвертая промышленная революция», Ю. Харари «Homo Deus» и К. Келли «Неизбежное». Общий тираж этих книг, переведенных на десятки языков мира, превысил 2 млн. экземпляров.

При всех отличиях и особенностях позиций этих наиболее влиятельных мыслителей, их объединяет *технооптимизм* и эйфория относительно технологических достижений последнего времени, а также вера в экспоненциальный рост знаний, услуг и продуктов в ближайшие годы и десятилетия. Указанные авторы сформировали идеологию технооптимизма. Сегодня именно она является господствующей среди политических, деловых и военно-разведывательных элит большинства стран мира. Уважаемые мыслители распространяли на весь мир известную максиму Начальника Третьего отделения Собственного Его Императорского Величества канцелярии, графа А. Х. Бенкендорфа: *«Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же*

касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение».

Парадоксальным образом, ни в одной из этих наиболее влиятельных книг современности не найти ответа на знаменитый *парадокс Ферми*. Выдающийся физик, лауреат Нобелевской премии Энрико Ферми, рассуждая с друзьями физиками и журналистами на актуальную в конце 40-х годов прошлого века тему НЛО, задался резонным вопросом: «А где они все?». Ферми сделал вывод: *«Главный парадокс науки заключается не в возможности встречи с инопланетянами, а в отсутствии подобных встреч, и более того, каких-либо следов разумной жизни в космосе»*. Энрико Ферми высказал свой парадокс в 1950 году. Прошло почти 70 лет, а вопрос остался без ответа.

Мало кто понимает мощь и загадочность парадокса. Чтобы дать о них представление, приведем несколько цифр. Согласно данным мощнейших радио- и иных телескопов, в нашей галактике насчитывается примерно 300–400 млрд. звезд. Примерно в такое же количество оценивается число галактик в видимой вселенной. Если исходить из общего количества звезд в видимой вселенной, то получается, что на каждую песчинку на Земле приходится порядка 10 тыс. звезд. Данные космологии позволяют оценить количество звезд, похожих на наше солнце – от 5 до 12 % от общего числа звезд. Если взять самую скромную оценку 5 %, то окажется, что в видимой вселенной имеется 500 млрд. млрд. или

500 квинтиллионов солнцеподобных звезд.

В 2017–2018 годах Национальная академия наук США определила, что в звездных системах, подобных нашей, примерно 1/5 имеют землеподобные планеты. Эту цифру, кстати, подтверждают и прямые астрономические наблюдения с использованием новейшей аппаратуры. Из всего этого следует, что примерно вокруг 1 % общего количества звезд во вселенной, вращаются землеподобные планеты с жизнью. В цифрах это дает 100 млрд. млрд. планет земного типа с жизнью. На каждую песчинку на Земле приходится 100 подобных планет. Предположим, что жизнь является крайней редкостью, а разумная жизнь – вообще уникальным явлением, которое характерно лишь для 1 % планет с жизнью. Но и в этом случае мы получим 10 квадриллионов или 10 млн. млрд. разумных цивилизаций в наблюдаемой вселенной. Из них на нашу галактику должно приходиться как минимум 100 тыс. разумных цивилизаций. Поскольку наша солнечная система и Земля относятся к молодым космологическим образованиям, то, как минимум, 40–50 тыс. разумных цивилизаций должны обгонять нашу на десятки тысяч лет. Точку зрения Ферми сегодня разделяют практически все физики и специалисты по космологии.

С 60-х годов прошлого века осуществляется, в том числе с участием США, СССР, а сегодня России, и других развитых стран международный проект SETI или Проект Поиск внеземного разума. 50 лет расположенные на Земле и в

космосе радиотелескопы и другие мощнейшие средства наблюдения обшаривают космос в поисках сигналов. Однако, сигналов нет. Вообще. На сегодняшний день у науки отсутствует объяснение данного поразительного факта. Как сказал в начале нынешнего века крупнейший физик второй половины XX века Джон Уиллер: «Самая большая загадка, на которую не может ответить наука, это – почему мы остаемся одинокими во вселенной». Отвечая на его вопрос, Элвин Тоффлер – крупнейший футуролог, автор всемирного бестселлера «Третья волна» о грядущем в XXI веке научно-техническом перевороте, – сказал, что возможно, *«в механизм развития цивилизаций на технологической стадии встроена закономерность их самоуничтожения».*

За 50 лет, минувших с момента формулирования Энрико Ферми ставшего знаменитым парадокса, среди исследователей, прогнозистов, предиктивных аналитиков разведывательных сообществ ведущих стран мира сложились пять основных объяснений этого парадокса.

Немалая часть исследователей, преимущественно космологов, физиков и теоретиков-математиков полагают, что всеобщность второго закона термодинамики, связанного с неизбежным нарастанием энтропии, а соответственно хаоса и беспорядка, позволяют считать жизнь и особенно разум ошибкой космической эволюции, произошедшей по случайности. Первым еще в 1970-е годы в качестве шуточного объяснения парадокса Ферми предложил гипотезу разума как

ошибки С. Лем в работе «Культура как ошибка», представляющей собой рецензию на никогда не написанное сочинение приват-доцента Клеппера «Die Kultur als Fehler». В шуточной рецензии С. Лем обосновал единичность или чрезвычайную редкость разума статистическим аргументом. По его мнению, для того, чтобы эволюционным порядком появились жизнь и разум, нужна статистически невероятная цепь ошибок эволюции, гораздо большая, чем вероятность случайного появления в ходе эволюции «Аэробуса» или «Бонга».

Эту позицию Лем аргументировал следующим образом. Согласно научной парадигме, жизнь и разум появились в ходе эволюции и как ее результат. Однако никому не удалось из неживого получить живое. Еще более невероятен разум. Дело в том, что знаменитый математик Джон фон Нейман еще в 50-е годы прошлого века сформулировал требования к любому информационному процессу. Для передачи информации необходим ее физический носитель и способ считывания информации или ее копирования. Эволюция представляет собой информационный процесс. Однако если следовать Ч. Дарвину, то мутации происходят случайным образом, как изменения исходного текста ДНК. Но никто и никогда не мог получить в результате копирования более совершенный экземпляр, чем исходный образец. Ошибки копирования всегда приводят к ухудшению, а не к улучшению. Соответственно разум, если он появился в результате ошиб-

ки копирования, это – невероятная по редкости удача, возможно единственная на всю вселенную. Если Лем предлагал свою теорию в шутку, то сегодня многие авторитетные интеллектуалы воспринимают ее вполне серьезно, как способ объяснения парадокса Ферми.

Все возрастающая часть прогнозистов полагает, что и мы одиноки во вселенной. Это обусловлено тем, что *технологические цивилизации, развиваясь несколько веков по экспоненте, затем гибнут, не справившись с рисками и угрозами, связанными с расхождением между динамикой технологического могущества и потенциалом разрешения противоречий и устранения рисков, с этим связанных.*

Третья позиция, которую впервые четко высказал один из наиболее харизматичных инвесторов в IT технологии Питер Тиль, может быть названа гипотезой финальной стагнации. Суть позиции Тили вот в чем. На начальной стадии развития человечество старается захватить все новые ценозы, или сферы обитания. Оно продвигается из наиболее благоприятной зоны с мягким климатом во все более экстремальные районы. И так вплоть до высокогорья, пустынь, приполярья и т. п. Пока оно не освоило всю планету, развитие идет по восходящей. На этой стадии совершаются открытия, изобретаются технологии, развивается культура, совершенствуются средства коммуникации. Но однажды любая цивилизация достигает пределов собственной планеты. Путь в космос, особенно в дальний, для человечества как вида, заказан.

Здесь и ограничения, связанные со скоростью света, делающие бессмысленными пилотируемые полеты к другим звездам, и жесточайшая радиация и другие поражающие факторы, делающие маловероятным длительное пребывание в космосе, и т. п. В итоге, любой разумный вид достаточно быстро в рамках его жизненного цикла понимает, что в дальний космос не выбраться, и он приговорен к пребыванию на своей планете. Поскольку любой разумный вид для своей экспансии вычерпывает невозобновляемые ресурсы планеты, прежде всего, полезные ископаемые, он оказывается перед выбором: либо медленной оптимизации или стагнации, предусматривающей отказ от эксплуатации невозобновляемых полезных ископаемых, либо стремительно оказаться перед лицом катастрофы. В ее ходе он стирается с лица планеты. Менее чем за 20 лет подход Питера Тиля стал едва ли не преобладающим умонастроением не только среди профессиональных прогнозистов, но и интеллектуалов ведущих думающих танков и фабрик мысли.

Несмотря на все трудности и неурядицы последних 50 лет, среди футурологов и предиктивных аналитиков остаются и оптимисты. Они искренне верят в возможность человечества буквально в течение предстоящих 10–30 лет стремительно изменить парадигму развития и *перейти от техногенной цивилизации пироманьяков к адаптивной природосберегающей цивилизации, базирующейся на использовании в первую очередь возобновляемых источников энергии,*

а также непризнанной современной наукой энергии нулевой точки, или вакуума.

Главный аргумент в высказывании многочисленными противниками цивилизационных оптимистов заключается в отсутствии у человечества единых органов целеполагания, управления и наказания. Подобного рода поворот от технической к ресурсосберегающей цивилизации невозможно осуществить не только в масштабе отдельных стран, но и регионов. Об этом задумывались еще с конца 1960-х годов наиболее проницательные политики и аналитики по обе стороны железного занавеса, соответственно в США и Западной Европе – с одной стороны, и в СССР – с другой. Однако шансы на конвергенцию были растрчены впустую в 1980-е годы и в мире перед лицом надвигающихся кризисов и угроз растут противоречия, конфликты и центробежные тенденции. Гипотезы перехода от техногенной к природоориентированной цивилизации позволяют объяснить парадокс Ферми тем, что природоориентированные цивилизации просто не проявляют интерес к внешней экспансии.

Существует и пятое, крайне экзотическое решение парадокса Ферми. Такие медийные персоны, как миллиардер Илон Маск, астрофизик Нил Тайсон, мыслитель Ник Бостром полагают, что мы живем в сконструированном мире. Желтые медиа излагают эту теорию, как *жизнь в виртуальной реальности, или в матрице*. В 2012–2018 гг. физики провели ряд проверочных экспериментов, как в космологи-

ческих, так и в квантовых масштабах и документально установили, что *мы живем в реальности, а не в виртуальности*. Иными словами, планеты, звезды, столы, стулья и компьютеры существуют как вещи из вещества и полей, а не представляют собой наше искаженное восприятие, подобно восприятию нейрокомпьютерных игр в шлемах дополненной реальности.

После проведения экспериментов, ведущие издания обратились к тем же Маску и Бострому с требованием признать свою неправоту. Однако, Маск, Тайсон, Бостром, многие другие знаменитые ученые, предприниматели и аналитики объяснили, что проведенные эксперименты ничего не подтверждают, и не опровергают главный пункт их гипотезы. Мир сделан для нас и носит не естественный характер, а был кем-то сооружен подобно тому, как мы строим зоопарки или диснейленды. При всей экзотичности и, прямо скажем, малой вероятности именно эта точка зрения позволяет не только объяснить парадокс Ферми, но и многие, вполне материальные, игнорируемые современной наукой артефакты. Например, по всей Земле разбросаны гигантские мегалиты, пирамиды и другие постройки из каменных блоков весом в десятки и сотни тонн. Даже современная техника не позволяет создавать такие сооружения. Притянутым за уши является и их объяснение при помощи инопланетян. Вряд ли цивилизации, обладающие транспортными средствами, превышающими скорость света, будут строить циклопические ка-

менные постройки с невероятной точностью кладки и следами машинной обработки камня. Та же история и с сотнекилометровыми тоннелями в разных уголках Земли, как будто выплавленными в скальных породах.

Да что далеко ходить, на сегодняшний день наука достоверно не может объяснить ситуацию с совсем близкими временами, всего 200–300 лет назад. По всей Европе, в том числе и в России, и в Азии раскопаны уже не десятки, а сотни зданий, часть из которых стоит и по сегодняшний день, в которых окна и двери находятся глубоко под землей. Ошарашенные археологи стали объяснять это засыпавшим их культурным слоем, т. е. строительными материалами, мусором, остатками ранее построенных зданий и т. п., т. е. материалами, созданными самими людьми. Однако, как показало математическое моделирование, культурного слоя таких объемов за 200–300 лет создано быть просто не может. Много обнаружено благодаря спутниковым фотографиям иных странностей и непонятностей, необъяснимых с точки зрения ортодоксальной истории на нашей планете. Эти непонятности заставляют, мягко говоря, весьма адекватных, талантливых и далеких от чудачеств людей, типа Илона Маска, а по отдельным вопросам и Билла Гейтса полагать, что наша реальность создана, а не является эволюционным порождением.

Скажем прямо, ни один из пяти представленных выше ответов на парадокс Ферми не прошел на сегодняшний день подлинно научную верификацию, проверку фактами, вычис-

лительным моделированием и точно сделанными прогнозами. Поэтому само наличие парадокса Ферми заставляет все-речь отнести к рискам и угрозам экспоненциального развития. Профессионалы риск-менеджмента хорошо знают, что борьбу с угрозами и минимизацию рисков необходимо начинать с их выявления, классификации и ранжирования.

Интенсивные поиски ответа на парадокс Ферми позволили многим предиктивным аналитикам, прогнозистам и исследователям прийти к выводу, что в ближайшие 10–30 лет человечество будет вынуждено действовать в условиях наступившего *«часа волка»*. В скандинавской мифологии и современной психотерапии часом волка называют промежуток времени с четырех до пяти часов утра. В это время происходит истощение многих защитных систем психики и организма. Поэтому в этот период максимальны проявления депрессии, наиболее часты, и это статистически доказанный факт, случаи инфарктов, инсультов и самоубийств. Человечество уже вступило в наиболее опасный период своей истории за долгие-долгие века. Об опасности этого периода говорят и *доклады Римского клуба, Всемирного экономического форума, Мюнхенской конференции по безопасности, РЭН-Да и Американского разведывательного сообщества 2017–2018 гг.*

Согласно популяционной генетике, в последний раз такой период человечества переживало примерно 50–70 тыс. лет назад, когда его численность сократилась с 300–500 тыс. че-

ловек до примерно 10 тыс. человек.

Часть I

Хронополитика как прикладная психоистория

Глава 1. Психоистория для начинающих

Мы живем, чувствуем и мыслим в координатах пространства и времени. Именно пространство и время – это самое привычное повседневное и незаметное для каждого из нас. Однако понимание и восприятие пространства и времени для нас неодинаково. Или, как говорит наука, асимметрично.

На первый взгляд время, также как и пространство является чем-то обыденным, привычным, понятным, не заслуживающим тщательного и вдумчивого рассмотрения. Однако впечатление это обманчиво. Люди гораздо лучше ориентируются в пространстве, чем во времени. Наш язык и изобразительные средства в первую очередь предназначены для описания пространства, а не времени. Этот парадокс порожден человеческой историей. В течение тысячелетий для человека гораздо важнее было пространство, чем время. Усло-

вия жизни менялись мало. Событий не только в жизни отдельных людей и групп, но и в жизни народов происходило немного. Да и те, которые происходили, как правило, повторялись. В результате, *с начала истории до буквально наших дней человеческая цивилизация была, прежде всего, цивилизацией пространства, а не времени.* Основные усилия люди тратили на покорение пространства, постепенно, пядь за пядью осваивая поверхность планеты.

Пространственный характер нашей деятельности наложил отпечаток на образ мыслей, картину мира и науки. В первую очередь, их царицу – математику. Вся математика, подарившая нам информационные технологии это, – прежде всего, пространственная наука. Таковой она является не столько потому, что ее важнейшей частью является геометрия, сколько потому, что математика оперирует неизменным. В математике один всегда равен одному, а A всегда равно A . Школьная алгебра и университетская теория множеств и групп в одинаковой степени имеют дело с неизменным, одинаковым. Время математика может изображать только при помощи пространства. Достаточно посмотреть на любой график. В нем время изображено одной из осей координат. Оно, по сути, неизменно.

Однако все изменилось с конца XVIII века в Европе. Начало первой производственной революции ознаменовало переход от постепенного роста к экспоненциальному развитию. Мир впервые стал быстрым. Вот уже более двух

столетий темпы перемен непрерывно ускоряются. Изменения охватывают буквально все стороны человеческой жизни: экономику и быт, военное дело и коммуникации.

Без малого 50 лет назад, подводя первые итоги экспоненциального развития, известный американский социолог и стратег Элвин Тоффлер выпустил книгу, сделавшую его знаменитым во всем мире. Ее название «Футурошок», или «Шок перед будущим». В книге Э. Тоффлера можно найти такие строки: *«Сегодня весь мир – это быстро исчезающая ситуация. Скорость перемен имеет значение, совершенно отличное и иногда более важное, чем направления перемен. Никакая попытка понять адаптивность не может быть успешной, если не осознать этот факт. Тревожно, что значительное большинство людей, в том числе образованных и умудренных опытом, считают мысль о переменнах такой угрожающей, что пытаются отрицать их существование.»*

Человечество может погибнуть не от того, что окажутся исчерпанными кладовые Земли, выйдет из-под контроля атомная энергия или погибнет истерзанная природа. Люди вымрут из-за того, что не выдержат психологических нагрузок». Пять десятилетий подтвердили провидческий дар Э. Тоффлера и дали множество аргументов в пользу гипотезы, что чем дальше, тем больше человечество будет испытывать страх и неуверенность перед будущим.

Буквально через несколько лет после опубликования «Фу-

турошока» знаменитый польский фантаст и мыслитель, автор «Суммы технологий» и «Соляриса» С. Лем попытался разобраться в причинах ускоряющихся темпов перемен. В статье «Дорога без отступления» он написал: «Утверждение, что технология является независимой переменной цивилизации, требует более подробного объяснения... Невиданное, безмерно многообещающее начало способно иметь печальные и даже смертельные последствия. Как транспорт, так и современная медицина с ее оснащением и функциональной базой, равно как и атомная энергия, и распознавание, и декодирование основ нашей наследственности показали нам уже свое грозное обличье. Однако... мы не сможем уже сойти, а тем более отступить с этой дороги, оцетинившейся пользой и опасностью, на которую мы вступили уже очень давно... Для человечества непредвиденным оказались, например, темпы перемен и автокаталитический или самодостаточный и самостоятельный способ, которым развиваются технологии, становясь все более независимой переменной цивилизации, определяющей ее будущее». С. Лем оказался первым исследователем, увидевшим близость эволюции живой природы и технологий. Он прозорливо сделал вывод, что не только человечество использует технологические достижения, но и напротив, логика развития технологий определяет не только судьбы обществ, но и направленность человеческих действий.

50 лет, прошедших с момента выхода в свет работ Тофф-

флера и Лема, убедительно подтвердили их подход к будущему. Кстати, в «Сумме технологий» Лем опубликовал научно-технические прогнозы примерно на 200 лет вперед. За полвека из 130 спрогнозированных Лемом изобретений, открытий, программных и технических решений, более 110 стали реальностью. Не будет преувеличением назвать «Сумму технологий» путеводителем по будущему, книгой, к прогнозам которой надо отнестись с максимальной серьезностью. Столь высокий процент сбывшихся прогнозов связан с методом работы Лема с будущим. Он подчеркивал невозможность предсказания отдельных событий. Знаменитый фантаст сосредотачивался на тенденциях. Он полагал, что будущее всегда присутствует в настоящем, как правило, на задворках или периферии магистральных путей развития. Поэтому *предсказания – это не манипуляции с хрустальным шаром, а умение взглядываться в настоящее, распознавать в нем процессы, набирающие силы и динамику.*

Через несколько лет после пророческих книг Тоффлера и Лема работу «Пути истории» опубликовал российский востоковед И. Дьяконов. Примерно в то же время в Соединенных Штатах знаменитый фантаст и космолог В. Виндж опубликовал статью «*Технологическая сингулярность*». В отличие от книги Дьяконова, до сих пор не переведенной ни на один язык мира, статья знаменитого фантаста привлекла всеобщее внимание, и породила целое движение последователей. Наиболее известным из них является нынешний ви-

це-президент корпорации Google Рей Курцвейл, создавший Университет сингулярности и страстно пропагандирующий этот подход в академических и социальных СМИ. Приведем фрагмент из одного из выступлений Р. Курцвейла: «Многие, слушающие меня сегодня, видят, что прогресс с каждым днем ускоряется. Еще в начале XX века многие не верили в самолеты и думали, что „завтра будет сегодня“. Эта тенденция в обществе была всегда и наблюдается сейчас. Завтра будет сегодня. В принципе, это простое эмпирическое наблюдение, однако если сравнить то, что было год назад, и что есть сегодня, становится виден этот прогресс. Если бы наблюдатель провел такое наблюдение в начале XIX века, очевидный прогресс он вряд ли бы увидел, разве что попал бы в переломный момент. Сейчас же различные научные достижения, мелкие и большие, происходят каждый день. Интернет стал катализатором этого процесса. Свободный обмен информацией объединил ученых со всего мира и лишил одной из главных проблем – повторного изобретения, чем часто страдал прошлый век. Конечно, сейчас данная проблема наверняка сохраняется из-за секретности некоторых государственных программ, однако такие проекты – это капля в море тысяч энтузиастов. Разумеется, сейчас наблюдаются не лучшие тенденции государственного контроля, но я, пожалуй, буду обсуждать в макромасштабе, и не буду разбирать такие детали.

Уже вот более 50 лет как выполняется закон Мура, а Intel

готовит нам новые техпроцессы и новые подходы. Разрабатываются параллельно квантовые компьютеры, ДНК-компьютеры, нейронные сети... Все это произошло буквально за 30 лет. Все неизбежно указывает на дальнейшее ускорение прогресса и движение к некой точке – технологической сингулярности. После этого начнется вертикальный процесс, а люди превратятся в киборгов».

Сингулярность, как будущее человечества, сегодня широко пропагандируется в мире и в России. Собираются конгрессы, открываются университеты, проводятся конференции. Многие ведущие корпорации спешат стать под знамена технологической сингулярности. Однако, чем дальше, тем больше накапливаются аргументы, заставляющие серьезно сомневаться в концепции технологической сингулярности и вертикального прогресса.

Мало кому известный не только в мире, но и в нынешней России, Игорь Михайлович Дьяконов в книге «Пути истории» и публичных выступлениях высказывал иной взгляд на будущее. С дотошностью, свойственной профессиональным историкам классической школы, и с тщательностью, присущей российской математической традиции, он проанализировал данные о развитии различных цивилизаций и обществ. На основе анализа данных он разработал теорию исторических последовательностей.

Согласно теории исторических последовательностей динамику развития определяют три процесса: темпы роста чис-

ленности населения; изменения энерговооруженности; и интенсивность контактов одной цивилизации, либо общества, с другими. В зависимости от конфигурации этих процессов и складывается историческая динамика. Свою работу И. М. Дьяконов писал в тесном взаимодействии с С. П. Капицей. В буквальном смысле вычисление или моделирование С. П. Капицей демографического поворота – перехода от все ускорявшегося роста населения в глобальном масштабе к снижению темпов его прироста – стимулировало И. М. Дьяконова к созданию в последние годы жизни теории исторических последовательностей.

Чтобы понять значение происходящего на наших глазах демографического перехода, процитируем одну из последних публикаций С. Капицы: «С рубежа 2000 года население нашей планеты росло со все увеличивающейся скоростью. Тогда многим казалось, что демографический взрыв, перенаселение и неминуемое исчерпание ресурсов и резервов природы приведут человечество к катастрофе. Однако, в 2000 году, когда население мира достигло 6 млрд., а темпы прироста населения достигли своего максимума в 87 млн. в год или 240 тыс. человек в сутки, скорость роста начала уменьшаться. Более того, и расчеты демографов, и общая теория роста населения Земли указывают, что в самом ближайшем будущем рост практически прекратится. Таким образом, население нашей планеты в первом приближении стабилизируется на уровне 10–12 млрд. и даже не удвоится по

сравнению с тем, что уже есть. Переход от взрывного роста к стабилизации происходит в исторически ничтожно короткий срок – меньше ста лет, и этим завершится глобальный демографический переход. Само явление демографического перехода, когда расширенное воспроизводство населения сменяется ограниченным воспроизводством и стабилизацией населения, было открыто для Франции французским демографом Ландри. Изучая эту критическую эпоху для развития народонаселения, он справедливо полагал, что, принимая во внимание глубину и значение последствий, ее следует рассматривать как революцию. Тем не менее, демографы ограничивали свои исследования динамикой населения отдельных стран и видели свою задачу в том, чтобы объяснить происходящее через конкретные социальные и экономические условия. Такой подход давал возможность сформулировать рекомендации по демографической политике, однако таким образом исключалось понимание более широких, глобальных аспектов этой проблемы. Рассмотрение населения мира как единого целого, как системы отрицалось в демографии, поскольку не позволяло определить общие для человечества причины перехода. Следует подчеркнуть, что большинство крупных историков, таких как: Фернан Бродель, Карл Ясперс, Иммануил Валлерстайн, Николай Конрад, Игорь Дьяконов утверждали, что существенное понимание развития человечества возможно только на глобальном уровне. Именно в нашу эпоху, когда глобализация

стала знаком времени, такой подход открывает новые возможности в анализе как нынешнего состояния мирового сообщества, так и факторов роста в прошлом, и путей развития в обозримом будущем».

В конце 1980-х годов примерно такую же закономерность, как С. Капица установил для демографии, Л. Макгрегор обнаружил для энерговооруженности. И там и там период линейного роста сменился на экспоненциальный, а затем экспоненциальный перешел сначала в режим стабилизации темпов прироста, а в перспективе, возможно, перейдет к их затуханию. В середине 1980-х годов выдающийся американский экономист Д. Гэлбрейт, проанализировав долговременные данные в капиталистических, социалистических (в то время) и развивающихся странах, сделал прогноз о неизбежности тенденции понижающихся темпов динамики эффективности производства и производительности труда. Забегая вперед, отметим, так же, как прогнозы С. Капицы и Л. Макгрегора, выводы Д. Гэлбрейта подтвердились в последующую треть века.

И. Дьяконов в теории исторических последовательностей сформулировал три принципа, обязательных для прогнозистов.

Во-первых, нельзя прогнозировать на основе экстраполяции. Будущее чем дальше, тем больше, это – не продолженное прошлое, а нечто иное. Будущее всегда содержится в прошлом. Однако, как правило, на периферии. И потому до

определенного времени не определяет динамику процессов. Экстраполяция является главным врагом не только прогнозистов, но и политиков, предпринимателей и обычных людей.

Во-вторых, настоящим история не заканчивается. Если с экстраполяцией все более-менее понятно, то второй принцип теории исторических последовательностей вызывает у людей, как правило, резкое психологическое отторжение. Каждому свойственно преувеличивать свою роль. Любому из нас вольно или невольно кажется, что мир вращается вокруг нашей особы. Соответственно подавляющая часть исторических и прогнозных работ подгоняет прошлое и будущее под настоящее. Поскольку будущего человек не знает, то он вольно или невольно рассматривает события прошлого через призму настоящего. События и процессы прошлого выстраиваются в такой логической последовательности, чтобы нынешний день выглядел их закономерным итогом. При этом забывается, что день нынешний – это миг исторического процесса, и соответственно буквально завтра станет прошлым. Втискивание же прошлого в прокрустово ложе настоящего не дает возможность понять его многовариантность и разглядеть в нем тенденции и процессы, порождающие ветвящееся нелинейное будущее.

Наконец, в-третьих, прогнозируя будущее всегда надо помнить, что речь идет о людях и группах, сообществах и обществах. Главное же свойство человека, отличающего его

от животных, это, – как установили антропологи и психологи, способность к прогнозированию. Ни один вид живых существ, за исключением человека, не способен к построению моделей будущего и действиям в соответствии с этой моделью. Впервые это открыли П. Анохин и А. Брушлинский. Сегодня мировая психология накопила тысячи экспериментальных подтверждений этому факту. А Д. Канеман получил даже Нобелевскую премию, правда, по экономике, за то, что смог разделить алгоритмическое и прогнозное мышление. Коль скоро люди действуют на основе целей, то любое настоящее складывается не только под воздействием прошлого, но и будущего, а точнее его моделей, созданных индивидуальной или коллективной психикой. Поэтому будущее всегда открыто и вариантно. Оно не предопределено.

Наряду с принципами прогнозирования будущего И. Дьяконов в теории исторических последовательностей выделил три типа будущего: неизбежное, вероятное и случайное. Разделение, казалось бы, очевидное. Однако на практике его используют достаточно редко не только в обыденной жизни, но и в аналитической работе или в расследованиях. Например, к неизбежному будущему относится смена времен года, времени суток и т. п. Подобные жесткие последовательности прослеживаются не только в естественных, но и в социальных процессах. На основании огромных массивов данных установлено, что для организаций различного типа, бизнесов и даже обществ свойственна естественная смена фаз

жизненного цикла. Каждая структура с участием людей переживает примерно одинаковые фазы, связанные с появлением на свет, ростом, развитием, консервацией или стабилизацией, а затем упадком и распадом или появлением в рамках старой новой структуры со своим циклом. В отличие от естественных, у социальных процессов нет четкой периодичности и обязательных сроков. Они проявляются как тенденции. Но фазы этих тенденций повторяются и следуют одна за другой. В этом плане многие популярные ныне теории и прогнозы надо воспринимать с известной долей осторожности. Они указывают на тенденцию, но относиться к ним, как к часам, строго показывающим момент смены одной фазы другой, по меньшей мере, смешно, а иногда и просто опасно.

Большая часть общественных процессов носит вероятностный характер. Вероятность – хитрая штука. Человеческое восприятие и мышление, как доказали Д. Канеман и А. Тверски устроены таким образом, что игнорируют маловероятные события и вообще плохо справляются с вероятностью. Меньшую вероятность люди, как правило, принимают за невероятность. Наиболее яркие примеры этого парадокса дала реакция общественности США и Великобритании на итоги президентских выборов 2016 года и голосования относительно выхода Великобритании из ЕС. Наиболее ответственные прогнозисты полагали, что более вероятными должны были стать победа Х. Клинтон и сохранение Великобритании в ЕС. Подобную вероятность оценивали в сред-

нем в 60–70 %. Когда президентом был избран Д. Трамп, а британские избиратели приняли решение о выходе страны из ЕС, на прогнозистов посыпались упреки, что они ни к чему не способны. Их попытка объяснить публике, что 30 % они отдавали в пользу итогов, которые им казались маловероятными, но возможными, приняты во внимание не были. Выборные истории 2016 года являются едва ли не лучшей иллюстрацией того, что люди путают неизбежное и вероятное будущее и большую часть решений принимают исходя из того, что все будущее неизбежно.

Наконец, существует случайное будущее. Как правило, на любой процесс в реальной жизни оказывают влияние события, обстоятельства и тенденции, связанные с ним слабо. Поэтому в большинстве случаев от них можно абстрагироваться. Однако если возникает экстремальная ситуация, когда влияние сторонних процессов резко возрастает, то возникает то, что называется случайным будущим. Проще всего это проиллюстрировать на житейском примере. Самая известная подобная ситуация, приводимая почти во всех книгах по прогнозированию – это падающая с крыши сосулька. Строго говоря, и движение пешехода, и падение сосульки – процессы не случайные, а как минимум вероятностные, подчиняющиеся определенным законам. Однако пересечение этих процессов – случайно, и потому совершенно непредсказуемо.

После выхода в свет знаменитых книг Н. Талеба «Оду-

раченные случайностью», «Черный лебедь» и «Антихрупкость» многие стали полагать, что речь в них идет о случайном будущем, которое перечеркивает любые прогнозы. Однако внимательное изучение книг показывает, что основная часть примеров, приводимых Н. Талебом, относится к вероятному будущему. Конкретно, к событиям с малой степенью вероятности. Едва ли не самым ярким примером событий подобного рода стало 11.09.2001. В последнее время опубликованы архивы американских разведывательных служб. В ходе анализа материалов выяснилось, что в течение лета 2001 года американская разведка получала предупреждения о возможности крупномасштабного террористического акта, финансируемого правящими семьями Саудовской Аравии, от израильской, российской и немецкой разведок. Однако предупреждения были проигнорированы в виду малой вероятности событий.

Поскольку подавляющая часть процессов и ситуаций приходится на неизбежное и вероятное будущее, то в целом мировую и страновую динамику, а также динамику и направленность различных позитивных и негативных процессов, включая действия террористов, преступников и т. п. можно и нужно прогнозировать. При этом необходимо помнить, что в любом случае такое прогнозирование носит вероятностный характер и соответственно прогноз не обязательно сбудется, тем более в те сроки, на которые он рассчитан.

Третьей составляющей теории исторических последова-

тельностью И. Дьяконова было воспринятое от математиков разделение динамических процессов социума на стабильные и критические. Начиная с 80-х годов прошлого века в Соединенных Штатах, СССР, а затем в России, а также в ФРГ, а затем в Германии плодотворно развивалась наука, получившая различные названия, например, *синергетика*, *теория сложности*, *нелинейная динамика*.

Не углубляясь в математические модели и системы уравнений, достаточно выделить главное достижение этой науки, включенное И. Дьяконовым в теорию исторических последовательностей. Все процессы, начиная от функционирования небольшой организации до динамики глобальной экономики можно разделить на два класса: стабильные и критические. В стабильной фазе динамика следует определенной траектории и описывается, как это называют математики, флуктуациями, или отклонениями от нее. Причем, размах этих отклонений для каждой системы более-менее стабилен. Проще всего это показать на примере движения автомобиля по трассе. Машина, подчиняясь воле водителя, а в ближайшем будущем и робота, двигается строго по трассе. Однако выбор полосы зависит от конкретных обстоятельств. Само по себе количество полос или ширина дороги и задают максимальное отклонение от средней траектории.

Время от времени любая организация вне зависимости от размеров, попадает в так называемый критический период. В рамках этого периода происходит выбор той или иной тра-

ектории последующего движения. Этот период называют поразному. Однако суть – не в названии, а в функции. В течение данного периода та или иная организация или социум сталкиваются с новыми вызовами, и дают на них новые ответы. В результате, организация может перейти на траекторию развития, а может попасть и в полосу деструкции, а то и гибели. Выбор конкретного варианта зависит не только от тенденций в прошлом и целей на будущее, но и от различного рода второстепенных, а иногда и случайных факторов. Именно в такие моменты и периоды резко возрастает роль личности, а также возможности влиять не только на организации, но и общество в целом небольших сплоченных групп. Продолжая аналогию движения по шоссе, критический период можно уподобить достижению машиной большой транспортной развязки.

Вот как об этом пишет один из классиков психоистории, ученик А. Колмогорова О. Доброчеев: «В механистической картине мира знание сил (причин), начальных и граничных условий движения относительно малой системы частиц достаточно для прогнозирования траектории (координат) ее поведения практически до бесконечности. В рамках этой логики человек для принятия решений не нужен. Весь процесс может быть формализован.

Совершенно иная ситуация складывается в случае большой системы частиц (являющейся, как правило, частью некоего еще большего целого). Ее поведение может быть

определено лишь на конечных интервалах времени от одной точки бифуркации системы до другой, причем не в точных координатах, а в масштабах их флуктуаций, и не действующими силами (причинами), а исходными и граничными условиями, наложенными на всю систему однотипных элементов в целом. Т. о. знание законов турбулентной логики позволяет определить не одну единственную траекторию движения или развития системы, а всего лишь некоторое векторное поле наиболее вероятных движений. Однако и этого оказывается порой вполне достаточно лицу, принимающему решение, для получения ответа на свой вопрос. Как мы видим, в этой логике важно и нужно действующее лицо! Без него процесс мышления не является завершенным».

В последние годы исследователи установили, что на людей негативно влияют не только слишком быстрые перемены, но и приближение к критическим периодам, а также слишком большие отклонения от средней траектории движения, или как это называют по-научному – *турбулентность*. Человеческие реакции являются своего рода индикатором непосредственно не наблюдаемых процессов. Эти индикаторы четко указывают на приближение особо рискованного и опасного периода в жизни человечества, как единого целого, народов отдельных стран и даже регионов.

Приведем несколько цифр. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в странах Северной Америки и Европы в 2014 году каждый десятый житель сталки-

вался с диагностируемыми психическими отклонениями и заболеваниями. В городах-миллионниках эта цифра достигает 30 % против 10 % в 80-е годы прошлого века. В 2015 году ВОЗ опубликовала доклад, где сравнила депрессию и фобии перед будущим с эпидемией. Начиная с десятых годов, депрессия в Европе и Северной Америке вышла на первое место среди причин неявки на работу и на второе среди болезней, приводящих к потере трудоспособности. В Соединенных Штатах по данным Американской психиатрической ассоциации депрессией страдают 9 % населения, а по данным ведущих центров изучения общественного мнения – от 20 до 25 %. В России, согласно опросам, проведенным в 2015 году среди выпускников высших учебных заведений в Москве и Санкт-Петербурге, более 40 % испытывает страх перед будущим. Каждый пятый готов был бы обратиться к психотерапевту, если бы это не вызывало отрицательную реакцию у друзей и родных. Согласно выкладкам Института Санта-Фе и Института сложности в Новой Англии в США, во второй половине 2020-х годов психосоматические заболевания выйдут в наиболее развитых странах Северной Америки и ЕС на первое место среди причин временной и постоянной неработоспособности, обойдя даже сердечнососудистые и онкологические.

Другой отличительной чертой шока будущего являются *нарастающие информационные перегрузки*. Научное определение информационной перегрузки впервые было дано

профессором информационных наук Лондонского городского университета Дэвидом Боуденом в исследовании 2008 года, названном «Темная сторона информации: перегрузка, тревожность и другие парадоксы и патологии». Соавтором его выступила коллега Боудена по университету – доктор информатики Лин Робинсон, изучающая влияние получаемой информации на поведение человека.

Боуден и Робинсон определили информационную перегрузку как «состояние цивилизации, при котором объем потенциально полезной и актуальной информации, превышает возможность ее обработки средним человеком (т. е. когнитивные способности) и становится помехой, а не подспорьем». Едва ли не наиболее наглядным примером информационной перегрузки являются данные Эрика Шмидта – главы Alphabeth: «От начала цивилизации и до 2003 года было создано около 5 экзбайт (5 000 000 000 Гб) информации. Теперь человечество создает столько данных всего за 2 дня».

Однако лавинообразное нарастание количества информации не столько характеризует прогресс информационных технологий, сколько отражает их проблемы. Если в 1996 году 30 % информации в интернете составлял оригинальный контент, то в настоящее время – уже менее 2 %. При этом постоянно растет объем информации, не предназначенной для человека, а связанный с передачей сигналов от вещей и других устройств, подсоединенных к интернету, к серверам. В 2016 году такие сигналы составляли примерно 30 % всего

объема информации, а к 2020 году достигнут почти 60 %. В 2016 году в англоязычном интернете в течение года не было ни одного посетителя на более чем 80 % сайтов, а в 2018 году – уже почти на 90 %. Если в 1996 году среднее время пребывания интернет-пользователя на сайте составляло чуть более 6 минут, то в настоящее время сократилось до 23 секунд.

Сходные процессы идут и в научном вебе. В настоящее время более 94 % статей, опубликованных в научных журналах, ни разу не цитировалось в других источниках. Почти 90 % научных публикаций имели не более пяти прочтений. Таким образом, даже важнейшие открытия технологий могут оказаться просто незамеченными научно-технологическим сообществом. Что касается соотношения между знаниями и информационным мусором в интернете, стоит отметить следующее. *Избыточное количество информации затрудняет борьбу с преступностью, поскольку делает трудно отслеживаемыми следы киберпреступников и других представителей криминального мира, использующих интернет. Одновременно с этим информационные перегрузки на порядок повышают возможности манипулирования в криминальных и иных деструктивных целях массовым сознанием, а также групповым и индивидуальным поведением.*

Страх перед будущим ведет не только к заболеваниям психосоматического характера, но и оказывает влияние на политические решения. Согласно опросам общественного мнения наиболее статусных центров различной направлен-

ности, обслуживающих избирательные кампании как победителей, так и проигравших, на президентских выборах в Соединенных Штатах в 2016 году и в Великобритании по поводу выхода из ЕС, он был одним из главных мотивов голосования. Например, в США в штатах так называемого ржавого пояса, решившего судьбу избирательной кампании 2016, более 70 % проголосовавших за Д. Трампа, испытывали страх, что роботы отнимут у них рабочие места, а новый компьютеризированный мир разрушит семью, веру и отдалит от них детей. В Великобритании почти две трети голосовавших за выход страны из ЕС указали, что страшатся последствий компьютеризации, роботизации общества и увлечения виртуальной реальностью.

Не будет преувеличением утверждать, что быстрое время разделяет не только страны и континенты, но и общества, группы и даже семьи. Оно делает наш мир все более непредсказуемым, турбулентным и стремительным. Социальные психологи установили, что в этом мире есть только три стратегии: постараться убежать от мира в виртуальные реальности различного типа; оборонять до последнего привычный образ жизни, стараясь игнорировать новое, частично дружелюбное, а во многом опасное; и наконец, принять динамику мира такой, какая она есть и постараться использовать открывающиеся возможности, минимизировать риски и подготовиться к угрозам.

Важнейшей способностью человека, сердцевиной разума

является воображение. По сути, воображение – это способность придумывать или более высоким слогом – творить по своему выбору и желанию реальность. В советском марксизме психику сводили к отражению действительности. Это – колоссальная ошибка. Она дорого обошлась руководителям и народу, которые руководствовались этим ложным посылом. Человек ни в коем случае не отражает действительность. Его психика – это не зеркало, и даже не кривое зеркало, искажающее пропорции и затрудняющее восприятие. Человек способен представить и вообразить все, что угодно. Эта способность, а именно воображение, лежит в основе не только науки, техники, изобретательства, но и важнейшего человеческого навыка – прогнозирования. Как открыл великий советский мыслитель и психолог Петр Анохин, именно человеческая способность опережающе реагировать на новые возможности, риски, угрозы, изменение ситуации и сделала человека человеком, выделив его из природы.

Дисциплинированное и направленное воображение – это прогнозирование. Прогнозирование не только предполагает глубокое понимание природы и структуры времени, но и навыки реализации этого понимания в рассуждениях или, как говорит наука, в нарративах, и в расчетах.

Прогноз лежит в основе любых планов, программ или проектов. Без прогноза невозможно управление будущим. Наука о создании обоснованных прогнозов, использующих большие, качественные и количественные историче-

ские данные и способах использования прогнозных результатов называется *психоисторией*, или *клиодинамикой*. Об основателях этой науки и причинах применения, наряду с термином «психоистория» концепта «клиодинамика» расскажем далее. Пока же отметим, в настоящее время на Западе и на Востоке, в США, Китае, Франции, Южной Корее действуют мощные, оснащенные по последнему слову вычислительной техники и программного обеспечения центры. Это – подлинные думающие танки, которые способны не только генерировать концепции, но и реализовывать их. Сегодня на слуху у всех Президент США Дональд Трамп. При этом многие, если не большинство россиян, уже забыли о Стиве Бэнноне. Напомним. Бывший банкир с Уолл-Стрит, удачливый продюсер голливудских блокбастеров, эффективный менеджер социальных медиа, политтехнолог и мощный мыслитель Стив Бэннон стал тем человеком, который буквально подобрал Д. Трампа в дни, когда от него отвернулись даже ближайшие сподвижники в Республиканской партии, и привел к победе на выборах.

Известно, Стив Бэннон буквально зачитывался романами Айзека Азимова, книгами М. Флинна «В стране слепых» и т. п. Он не только внимательно штудировал труды клиодинамиков, но и создал в американской глубинке, в городе Таллахасси уникальную информационно-аналитическую и прогнозную фабрику мысли. На этой фабрике тысячи гигабайт цифровой и текстовой, визуальной и акустической инфор-

мации перерабатывались в распознавание аномалий, выяснение и отслеживание тенденций. Эффект фабрики мысли в Таллахасси проявился не только на президентских выборах в США, но и на недавних выборах в Европарламент. На этих выборах С. Бэннон был главным политтехнологом так называемых «евроскептиков и популистов». Благодаря Бэннону и психоистории эта коалиция впервые заняла прочные позиции в Европарламенте, а во Франции, Италии, Великобритании, ряде других стран одержала убедительные победы в общенациональном масштабе. Использование психоисторических прогнозов является важнейшим компонентом *хронополитики*.

Как недавно выяснили исследователи, опираясь на данные поисковых запросов Google, ни в одной крупной стране мира геополитика так не популярна, как в России. Эта наука начала формироваться в конце XIX века в эпоху империализма. Геополитика – это наука и практика борьбы за территории. Суть империализма как раз в этом и состояла. Каждая мощная держава старалась отхватить себе побольше богатых полезными ископаемыми и возобновляемыми ресурсами, а также плодородными почвами территорий. Геополитика, или борьба за территории была альфой и омегой конфликтов, разворачивавшихся на земном шаре от неолита до настоящего времени.

В решающие эпохи, когда один строй сменяется другим, когда старые элиты цепляются за власть, а новые стремятся

установить господство, когда простые люди на своей шкуре чувствуют эпоху перемен, место геополитики занимает хронополитика.

Хронополитика – это борьба за время. Это – борьба за навязывание своего образа будущего миру или, по меньшей мере, отстаивание своего понимания будущего от попыток помножить его на ноль со стороны других сил. Мы привыкли к использованию прилагательного «суверенный» применительно к территориям и странам, т. е. политическим организациям, контролирующим ту или иную территорию. Сегодня тот же термин «суверенный» используется в англо-, германо- и китаеязычной политической литературе применительно не к пространству, а ко времени. Каждое сообщество, имеющее различные сходные характеристики, не обязательно связанные с пространственной локализацией, отстаивает свой образ будущего. Такое будущее, выбранное по собственному разумению и воле, называется ныне суверенным.

Хронополитика – это не столько борьба стран, сколько противоборство различных сил, групп, элит и масс внутри каждой страны, каждого региона и континента. Эта борьба обостряется в переходные периоды, когда одни производственно-экономические, а соответственно социально-политические и даже культурные уклады, господствующие в недавнем прошлом, слабеют, теряют влияние и уступают другим, восходящим.

Первая четверть XXI века характеризуется жестким противоборством трех укладов или контуров социума. Эти контуры в той или иной пропорции присутствуют практически в каждой не только развитой, но и крупной стране. Степень ожесточения борьбы уже сегодня соответствует самым жестоким временам второй половины XVIII – начала XIX веков, когда мощный промышленный капитализм отбирал власть у традиционных аристократических элит, базирующихся на торговле, сельском хозяйстве, ручной фабричной промышленности. В настоящее время, и об этом будет сказано далее, между собой противоборствуют:

– во-первых, техноэкономика с ее политическими, социальными, культурными компонентами, базирующаяся на достижениях четвертой промышленной революции, и прежде всего, на информационно-коммуникационных, психоповеденческих и геннобиологических технологиях;

– во-вторых, финансианизм с господством денежно-кредитной сферы, монетизацией и коммерциализацией всех сторон жизни людей, включая повседневность, а также с поп-культурой;

– в-третьих, зрелый капитализм, опирающийся на машинное производство, конвейер, организованные рынки, общество потребления и т. п.

Напряженная и бескомпромиссная хронополитическая борьба в рамках общей турбулентности глобальной динамики еще более усиливает неустойчивость, порождает новые

возможности, риски и угрозы, делает ситуацию как в глобальном, так и в страновом и даже личном масштабах все более опасной по мере приближения к двадцатым годам нынешнего века.

Хронополитика, как борьба за собственный образ будущего, включая его навязывание не только элитам и населению отдельных стран, но и глобальной популяции, бесповоротно пришла на смену геополитике – борьбе за территории.

Хронополитика – это не абстракция и не теоретическое построение. Достаточно посмотреть на итоги американских выборов: президентских в 2016 и выборов в Конгресс в 2018 годах, референдума по Брекситу в 2016 году и выборов в Европарламент в 2019 году. Возьмем США 2016 года. Несмотря на то, что президентом стал Д. Трамп, Х. Клинтон получила почти на 3 млн. голосов американцев больше по всей стране, чем вновь избранный президент. В Америке специфическая система выборов президента, зависящая не от общенациональных итогов, а от результатов в каждом отдельно взятом штате. Американский штат – это не российская область. По многим параметрам он ближе к независимой стране, чем к территориальной единице государства. Поэтому и называется state, т. е. государство.

Однако, возвращаясь к хронополитике, выделим следующее. По всей Америке и в подавляющем большинстве штатов за Х. Клинтон отдали голоса молодые избиратели с высшим образованием. Трамп безоговорочно победил среди

американцев после 40, и среди граждан, имеющих за плечами только полное или неполное школьное образование. Из 10 наиболее инновационных штатов, где расположены структуры четвертой производственной революции, Клинтон победила в 9. Избиратели 10 городов с наибольшим представительством IT индустрии, роботостроения, полностью автоматизированных производств, биотехнологий отдали с большим преимуществом голоса за Клинтон. В то же время 5 традиционных штатов, голосовавших из выборов в выборы за демократов, с наибольшей занятостью в традиционной промышленности, например, автомобилестроении, станкостроении, химии и т. п., за исключением одного отдали голоса Трампу. Эти штаты «ржавого пояса» и решили судьбу президентских выборов 2016. То же самое повторилось в США и на выборах в Конгресс в 2018 году. Поскольку выборы в Палату Представителей Конгресса проходят по пропорциональной системе, то на этот раз Палата перешла под контроль демократов, которые также как в 2016 году получили большинство по стране.

Такая же картина в Великобритании на референдуме по Брекситу и выборам в Европарламент 2019 года. В Лондоне, завязанном на мировую экономику, с чрезвычайно высокой долей инновационного бизнеса, IT индустрии, высокотехнологичной Шотландией избиратели как в 2016, так и в 2019 годах проголосовали за Евросоюз. По всей же остальной Англии и Уэльсу избиратель, боящийся будущего, наступления

роботов и частичной занятости в Uber-экономике, проголо-
совал за старую добрую Британию без ЕС и технологических
революций.

В мире нарастают не только и не столько межгосудар-
ственные конфликты и противоречия как в прошлом, но и
внутристрановая, внутригосударственная напряженность и
конфликты, связанные с различными образами вероятного,
но не неизбежного будущего. Реальные риски и опасности
связаны с тем, что начинающаяся эпоха перемен – это пе-
риод резонанса глобальной неустойчивости с нарастающими
хронополитическими противоречиями.

Глава 2. Айзек Азимов и все-все-все

В 2018 году крупнейшие международные медиа-корпорации сошлись в битве за выкуп прав экранизации шеститомника А. Азимова «Основание». Это неудивительно. В конце XX века оргкомитет самой престижной международной премии за произведение в жанре фантастики и фэнтези признал эпопею А. Азимова лучшей научно-фантастической сагой всех времен и народов. По состоянию на 2018 год в мире продано более 76 млн. экземпляров книг серии. Она переведена более чем на 60 языков мира.

Шеститомник Азимова – это, пожалуй, первое всемирно известное фантастическое произведение, в центре которого находятся исследователи и администраторы, а не привычные всем капитаны космических кораблей, инопланетяне и т. п. Эпопея повествует о том, как была создана несуществующая в то время в мире наука – психоистория, как на основе этой науки герои саги управляли вселенной, и как им противодействовали различные силы. Суть психоистории – в применении сложных математических расчетов и использовании знаний социальной психологии для высокоточного прогнозирования политических, экономических, общественных процессов, которые при должных усилиях администраторов материализуются в реальности.

Отвечая в 1980-е годы на многочисленные вопросы отно-

сительно сути психоистории, Айзек Азимов выделял в ней пять аксиом. Эти аксиомы он записал на листках бумаги еще в 1941–1942 годах, когда, проходя воинскую службу, одновременно писал рассказы для журнала, который издавал знаменитый Джек Кэмпбелл.

Вот эти пять аксиом:

– Люди – единственные разумные существа во вселенной. Никаких других рас нет. Редко встречаются мутанты – генноизмененные люди;

– Количество людей, вовлеченных в исторический процесс, столь велико, что индивидуальное поведение, даже поведение героев и гениев, ощутимо лишь в краткосрочных периодах времени, а в средней и долгосрочной перспективе они мало влияют на результаты статистических расчетов, позволяющих прогнозировать тенденции;

– Люди пребывают в неведении относительно существования психоистории и, за исключением психоисториков, ничего не знают о ее предсказаниях, и поэтому не наблюдается эффект самосбывающихся прогнозов;

– Любые сложные системы, будь то геологические ландшафты, биологические ценозы или человеческие общества и цивилизации являются сложными организованностями, или системами. Любая достаточно сложная система динамична, т. е. постоянно изменяется, и в своих изменениях проходит различные фазы: появления, роста или развития, стабильной эффективности или расцвета, кризиса или деструкции, ста-

рости и т. п., и наконец, разрушения или смерти;

– Любыми сложными системами можно управлять, если знать их закономерности. Управление состоит не в том, чтобы преодолеть логику жизненного цикла – это невозможно, – а в том, чтобы использовать ее в интересах общества или психоисториков.

Как уже отмечалось, первая книга «Основания» вышла в военные годы. В 1951, 1952 и 1953 годах вышло три полноценных тома «Основания», составившие его базисную трилогию, а именно: «Основание», «Основание и империя», «Второе основание». Спустя без малого 30 лет Айзек Азимов написал еще три тома. Естественно, не только читателей и литературоведов, но и политологов, социологов и футурологов интересовал вопрос, что привело Айзека Азимова к созданию науки – психоистории, как стержня, на который нанизывались все сюжеты, события и ситуации шеститомника. Сам Азимов отвечал, что в августе 1941 года он проштудировал одну из наиболее известных исторических работ – семитомник «Закат и падение Римской Империи» Э. Гиббона. Благодаря этому многотомнику в голову пришла идея о создании науки – психоистории и использовании ее для того, чтобы смягчить для рассеянного по галактике человечества неотвратимую гибель Первой галактической империи.

Однако уже в 1960-е годы далеко не все поверили в искренность А. Азимова. Например, самый популярный в те годы среди населения США журнал Look опубликовал

сенсационное расследование. Журналистам удалось выяснить, что во время обучения в Колумбийском университете будущий великий фантаст близко сошелся с однокурсниками, придерживавшимися в то время очень популярных в предвоенной Америке коммунистических, марксистских взглядов. Соответственно, выпустив в 1953 году трехтомник «Основание», Азимов, по мнению журналистов, фактически упаковал в занимательную и развлекательную форму марксистские идеи диалектического материализма со свойственными ему неотвратимыми законами исторического развития.

Вплоть до смерти в 1991 году А. Азимов категорически отрицал прямое влияние Карла Маркса, его исторического материализма на психоисторию. Он неоднократно отмечал, и его друзья по университету, а также по военной судовой службе в годы Второй мировой войны подтверждали, что «Капитал» и другие труды Маркса были для Азимова слишком скучны, непонятны и утомительны, чтобы разобраться в них. В то же время философию и социологию в Колумбийском университете преподавали профессора – беженцы из Германии, представители неомарксизма. Они брали у Маркса идею наличия исторических законов, предопределяющих динамику трансформации общества, но категорически не соглашались с основоположниками марксизма в прогнозе скорого наступления на планете коммунизма.

А. Азимов особо подчеркивал: от Маркса его отвратил

неоправданный, ничем не аргументированный оптимизм классиков. Общество, как любой сложный организм, может двигаться не только по восходящей, но и по нисходящей, не только развиваться, но и деградировать. В этом обладавший недюжинным здравым смыслом Айзек Азимов был абсолютно убежден.

В 2018 году в рамках подготовки к съемкам телесериала по «Основаниям» была обнаружена переписка А. Азимова с крупнейшим российским, а затем американским социологом Питиримом Сорокиным. Одним из наиболее интересных профессоров университета, где учился Азимов, был выдающийся генетик, основатель постдарвиновской теории эволюции Феодосий Григорьевич Добржанский. Вероятно, именно он передал координаты Сорокина Азимову. Эта переписка позволила принципиально по-новому посмотреть на истоки психоистории. В начале XXI века ряд исследователей в США и России выдвинули версию о том, что фантастическая сага, написана не опираясь на труд Гиббона о закате Римской империи, а как своеобразное преломление актуальных политических реальностей середины XX века. По мнению этих исследователей, Первая империя – это Британская империя. Ей на смену приходит Вторая империя – США. А психоисторики, которые на основании знаний исторических закономерностей управляют массами и правителями – таинственные библиотекари – это марксисты не только в СССР, но и на Западе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.